

18 ФЕВРАЛЯ 1943 ГОДА

Арестовали двоих — девушку и молодого человека — это все, что нам известно. Да не арестовали, просто держат за рукава! Смотрите, смотритель напустил на себя важный вид, а ведь он настолько маленький, что даже девушка смотрит на него сверху вниз. Какой же это арест?! Что-то там с бумагами... Нет, у них с бумагами все в порядке, дурачок. Речь о бумажках, которые нашли во внутреннем двореике. Может, в них вообще бутерброды заворачивали... Бумага есть бумага, пусть смотритель примет меры! Для чего он здесь вообще?! Ты подобрал листовку? Я тоже нет, мне еще жить хочется. Значит, не мусор... Как ужасно! Сейчас, когда недавнее поражение под Сталинградом все еще болью отзывается в сердце, нужно воспрянуть духом, а не поддаваться моральному разложению. Выше голову, друзья! Выше голову, девушка! Ничего не доказано... Парень выглядит подозрительным, есть в нем какая-то хитринка. В нем — да, но не в малышке. Глаза у нее, как два лесных орешка... Читал листовку? Я тоже нет, но женщина такое не напишет, вот и все. Гляди, смотритель клещами вцепился ей в рукав! А ведь она и не пыгается сбежать! Даже смотрители порой ошибаются, если она и бросила листовки, то наверняка случайно. А пусть даже и специально! Конечно же, она их не читала. А ты читал? Видишь, и я нет. Может, это все-таки пергаментная бумага?..

К сожалению, не она. Полиция уже здесь? Вот и хорошо, надо навести порядок, за словами последуют действия, а у нас, немцев, и без того проблем достаточно! Эй ты, попридержи язык! А не то присоединишься к этим двоим. Я уверен, что произошло недоразумение... Паренек мне знаком, он медик, служит в вермахте. Все служат в вермахте, но некоторые устраивают мятежи, хуже этих солдат нет. Что с того, что он медик? Какое отношение клятва Гиппократа имеет к присяге фюреру? Совершенно никакого, скажу я вам. А я вот что скажу: мальчишеская шалость, ошибка молодости, чистая глупость. Все прояснится. Нет, больше мы их не увидим. Думаешь, их отчислят из университета? Очевидно, что они ни при чем! Смотрите, какие спокойные! Их не уводят силком, они идут добровольно, шаг у них твердый — разве так идут виновные? Быть может, они не виновны, но мы все равно их больше не увидим. Да ладно тебе. Они выглядят серьезными, почти радостными. Эй, живее! Несколько полицейских собирают *corp delicti*. *Corpora, corpora*¹! Третье согласное склонение, множественное число оканчивается на *-ora*, господин сокурник! Да какая разница! В общем, полицейские собирают листочки. Довольно тарашиться, шагом марш на следующую лекцию! Скоро отправитесь на фронт, там и будете тарашиться! Пошел, пошел!

Внезапно молодой человек останавливается посередине внутреннего дворика, и девушка смотрит на него широко раскрытыми глазами. Неужели он все-таки будет сопротивляться аресту?..

Обращаясь к кому-то конкретному или ко всем нам, он бросает через плечо: «Скажи Алексу, чтобы не ждал!» После чего его грубо толкают вперед — пошел, пошел! — а мы, девушки и юноши, растерянно смотрим ему вслед.

¹ *Corpora delicti* — улики (лат.).

ЛЕТО 1941 ГОДА

Казарма, ранний подъем, дух товарищества, умывание над железной бадьей плечом к плечу — есть в этом что-то кочевническое. Переодеваешься в форму, преисполненный надежд на будущее, на повышение в чине и звании. Потом молитва в тишине за завтраком, отвратительный кофе, черствый хлеб — да, есть в этом что-то аскетичное. Поблагодарив Господа за все сущее и попросив о большем, отправляешься в университет и проводишь утро в умственных изысканиях. Никто из знакомых Ганса не набрал столько предметов, сколько он. Но ведь люди состоят не только из кожи, костей и крови, и одной медицины недостаточно, чтобы изучить человека во всех его проявлениях. Больше всего Ганс любит посещать лекции по философии. Впрочем, фюреру плевать, научишься ты чему-нибудь или нет, главное — не опаздывай на занятия по военной подготовке. В здоровом теле здоровый дух и тому подобное. Тренировки на свежем воздухе, совсем как в Ульме в старые добрые. Вечером — письмецо какой-нибудь девушке, не важно какой, и распевание патриотических песен. Когда тут хандрить?

Как сильно можно измениться всего за несколько лет...

Ганс крутит педали. Каждое следующее нажатие дается труднее предыдущего: велосипед разваливается, скоро придется покупать новый, и не оставляй Ганс на прилавке книго-

торговца каждую рейхсмарку, которая попадает ему в руки, то давно бы скопил необходимую сумму. Однако философские труды не только безумно интересны, но и невообразимо дороги, поэтому пока приходится седлать старого железного коня. Если бы только на чтение оставалось больше времени, если бы только государство не дышало в затылок...

Вдалеке слышится звон церковных колоколов — полдень миновал. Ганс жмет на педали сильнее и сильнее, но велосипеду, кажется, все равно: быстрее он не едет. Интересно, думает Ганс, возможно ли, ну, с технической точки зрения, что его нежелание передается колесам? Затормаживает их? С технической точки зрения — вряд ли, но возможность все равно есть. Девушки на другой стороне улицы здороваются с Гансом, хихикают, оживленно машут, и он оборачивается. Нет, он их не знает. Пошатнувшись, Ганс на мгновение теряет равновесие и чуть не сносит газетный киоск. И чего они поздоровались? Ах да, он же в форме! Глупые гусыни. Из-за них он чуть не упал. Впрочем, эти девицы еще совсем молоденькие, они свято верят, что каждый солдат — герой или, по крайней мере, славный малый. Вот ведь глупые гусыни. Дурацкие газетные киоски вбивают им в голову эту чушь громкими заголовками и фотографиями бравых парней на первых полосах: «Наш победоносный вермахт идет на Восток», «Наш победоносный вермахт идет на Запад» — наш победоносный вермахт и здесь, и там, и вообще повсюду. И вот крохотная частичка этого самого вермахта чуть не врезалась в газетный киоск. Девушки на другой стороне улицы больше не хихикают. Идут себе дальше. Что? Не такой уж он и бравый, да? Газетчик ругается: во время своего маневра Ганс снес с прилавка стопку «Фелькишер беобахтер». Пусть себе валяются на земле. У Ганса есть заботы поважнее. Истинному немцу не пристало опаздывать на занятия по воен-

ной подготовке, это строго карается. Газетчик размахивает кулаком — не столь угрожающе, сколь комично, как мужрогносец из сценической буффонады, — но не утруждает себя погоней за ржавым велосипедом. Похоже, здесь он согласен с Гансом: «Фёлькишер беобахтер» того не стоит.

Ганс мог бы облегчить себе жизнь. Остальные солдаты из его роты сейчас во дворе казармы (до войны там располагалась школа), докуривают последнюю сигарету, после чего неторопливо направляются к спортивной площадке. Но Ганс не вернулся в вест-эндовские казармы к полудню вместе с остальными. Несмотря на обязательное проживание в казарме, он по-прежнему платит за студенческую комнату — нужно же где-то разместить множество книг, да и себя тоже, когда становится совсем невмоготу. В этой комнате тихо, а из окна открывается вид на соседский сад. Цветов там сейчас мало, зато сад радуется своей зелены. К тому же Ганс наслаждается каждой минутой без приказов свыше. За что теперь расплачивается, потея в три ручья. Денек сегодня на редкость погожий для этого времени года. Кажется, будто солнце одобряет все, что сейчас происходит на земле. Что ж, по крайней мере помешать происходящему оно точно не в силах.

Возле ворот Ганс бездумно бросает велосипед в кусты. Украдут — невелика потеря, особенно в сравнении с дисциплинарным взысканием, которое почти наверняка будет стоить ему выходных. В такую погоду отправиться бы на гору Йохберг или на озеро Штарнбергер, но только не терять время в мрачной казарме. Нельзя же так себя мучить...

Наконец Ганс добирается до спортивной площадки. Никто не стоит по стойке смирно, душный летний воздух не вспарывают командирские выкрики. Ганс успел, он вовремя. Солдат пока нет, лишь десяток мальчишек. Перед глаза-

ми школьный двор, почти как в старые добрые времена, вот только детки большеваты, да и одеты одинаково. Одни болтают и смеются, другие пинают банку, третьи, полные энтузиазма, соревнуются в армрестлинге или отжимаются. Некоторые — их совсем немного — стоят в сторонке и кажутся такими же потерянными, как Ганс. Не успевает он как следует отдышаться, как начинается переключка. Мальчишки сразу же становятся солдатами и встают по стойке смирно. Возможно, мы ничему в жизни не научимся, зато в шеренгу будем выстраиваться за считанные секунды. Наверняка это когда-нибудь да пригодится. Командир проверяет посещаемость, зачитывая фамилии от А до Я. На что мы тратим свое время...

— Аберер?

— Здесь!

— Ахляйтнер?

— Здесь!

— Бидерманн?

— Я!

На что мы тратим молодость...

— Шоль?

— Здесь!

Стоим, смотрим прямо перед собой и ждем, пока дойдет до буквы Я.

Наконец звучит последняя фамилия. Перед началом учений присутствующих делят на группы, по команде все расходятся по местам. А стоящий рядом долговязый паренек, на которого Ганс почти не обращал внимания, разворачивается и уходит прочь.

Похоже, никто этого не замечает. Неудивительно, в такой-то суете. А паренек знай себе идет в сторону леса: длинными ногами переступает через низенький заборчик, окружающий

спортивную площадку, и исчезает вдаль так непринужденно, будто сам командир приказал ему скрыться с глаз долой. Ганс задумывается. Донести на него? Но зачем? Во имя системы? Даже не смешно. Не обращать внимания? Как вариант. Однако любопытство одерживает верх. Минуту назад Ганс был готов пожертвовать велосипедом, чтобы избежать наказания, теперь же безо всякой причины рискует получить наказание куда серьезнее. Он снова озирается по сторонам. Все заняты, никто не обращает на него внимания, даже командир. Глубоко вздохнув, Ганс следует за юношей — перешагивает через забор и направляется к лесу. К свободе.

Вот и долговязый паренек. Сидит в тени дерева, спиной к Гансу. Ушел ровно настолько, чтобы со спортивной площадки его не было видно, и расположился на своей форменной куртке, которую расстелил на лесной подстилке, как одеяло для пикника. Склонился над чем-то, одетый в одну спортивную водолазку, и... читает? Трудно сказать наверняка. Вот чудак. Осторожность выглядит иначе. Наверняка он листает какую-нибудь брошюрку, которые любят раздавать в казармах и которые, по мнению Ганса, не более чем перевод бумаги. М-да, наглости ему не занимать. Это ж надо — пропускать тренировку ради такой ерунды... И все же Ганс подходит ближе. Сухие ветки тихо хрустят под сапогами, однако долговязый паренек, как будто не слыша, продолжает что-то листать. И Ганс, глядя поверх его плеча, наконец видит, что именно — не какую-нибудь жалкую брошюру, а книгу, причем с фотографиями! Люди, изображенные на фотографиях, напрочь лишены одежды, однако одежда им не нужна — они сделаны из камня.

— Роден! — изумленно восклицает Ганс.

Паренек испуганно вздрагивает — видимо, принимает Ганса за командира или кого-нибудь еще, от кого жди не-

приятностей, — и книга с шелестом выпадает у него из рук. Он вскакивает, пытаясь одновременно надеть куртку, отдать честь и извиниться, — причем делает это с притворной небрежностью, всем своим видом словно говоря: «Дружище, давай не будем раздувать из этого вселенскую трагедию». Ганс, не сдержавшись, издает смешок, и паренек понимает: этот трагедию не раздует.

С тренировочной площадки доносятся крики: «Раз-два-три-поехали!» И паренек тоже смеется, он успел продеть в рукав куртки только одну руку, да и то — неправильную.

— Что ж, вам удалось меня напугать, — говорит он. — Радуйтесь, что я уронил всего лишь книгу, а не бутылку хорошего вина.

Только сейчас Ганс замечает во мху темно-зеленую бутылку.

— Да, ее было бы жаль, — соглашается он, — но и Родена тоже.

— Роден не разобьется, — отвечает паренек. — Меня зовут Александр Шморель. Если хотите, можем выпить на брудершафт, прямо здесь и сейчас. Тогда я буду просто Алексом. Это короче.

— Ганс, — представляется Ганс и протягивает руку, — короче некуда.

— А полностью?

— Шолль.

— Ганс Шолль, — повторяет Алекс и неверяще качает головой: — Короче и правда некуда.

Он наклоняется, берет бутылку и вытаскивает пробку.

ЛЕТО 1941 ГОДА

Э то становится ритуалом. Они приходят на тренировочную площадку — почти всегда с опозданием (Алекс тоже старается проводить в казарме поменьше времени, игнорирует правила и даже ночует дома), бросают велосипеды у кустарника, вбегают в ворота и успевают как раз к переключке. Порой Алекс опаздывает сильнее обычного, и тогда Гансу приходится кричать «здесь!» дважды подряд: после фамилии Шморель и после идущей следом фамилии Шолль. Ужасно рискованно, конечно, однако каждый раз срабатывает. Как ни странно. В голове не укладывается, что это вообще возможно, что строгую немецкую организацию можно так легко обмануть... Видимо, все уверены, что солдаты и помыслить не могут об обмане. К тому времени как командир доходит до буквы Я, Алекс успевает вернуться, незаметно встает где-нибудь с краю и рьяно вытягивается по стойке смирно, зажав под мышкой портфель, который привычным движением прячет за спину — и прятать который уже наловчился. Когда приходит время разделить на группы, два товарища целенаправленно пересекают тренировочную площадку, по-военному слаженно переступают через ограждение и направляются к лесу. Если кто-то когда-то и видел, как они уходят, то не донес на них: видимо, решил, что они действуют в рамках приказа.

Спрятавшись под сенью деревьев, юноши сбрасывают с себя форменные куртки, Алекс достает книги и непочатую бутылку вина. Смотришь и глазам не веришь: как только они помещаются в такой маленький портфель? Туда даже похожий на кирпич «Роден» поместится, если постараться. Ганс делает свой вклад — сигареты, но Алекс не вынимает изо рта трубку, даже если в ней кончается табак.

— До чего же приятно подносить трубку к губам, как делали древние поэты и мыслители, — говорит он. Мол, мир сразу кажется иным. Гансу тоже стоит попробовать.

— Нет уж, — возражает Ганс. — Я предпочитаю сигареты и настоящий дым. Будешь, кстати?

Алекс пожимает плечами: время от времени можно выкурить и сигаретку, пусть даже это немного банально.

Они курят, пьют и листают книги. Все книги Алекса посвящены искусству.

— Роден — гений, — говорит он, — а скульптура ни с чем не сравнится.

Сам он тоже пробует себя в искусстве, занимается с частными преподавателями и на курсах. Сложно сказать, выйдет ли из этого толк, но было бы неплохо. А вообще Алекс тоже врач, только не такой прилежный, как Ганс. Если те или иные лекции не обязательны для посещения, то Алекс на них и не ходит.

— Я видел скульптуры Родена в Париже, — говорит Ганс.

— Ты бывал в Париже?

— Да. Во время Французской кампании.

Делать там было особо нечего: французы не то чтобы сопротивлялись, скорее выжидательно слонялись вокруг оккупантов, которые занимали лучшие дома и забирали себе все ценности. Гансу до боли было стыдно за своих соотечественников.

Сам он отправился в столицу, посещал музеи. Наконец-то оправдалась покупка дорогой фотокамеры. В лазарете, где Ганс нес свою порой ужасно скучную, а порой просто ужасную службу, было на что посмотреть, но не сфотографировать. Ганс насмотрелся на страдания во время службы и в свободное время хотел созерцать прекрасное. Интересно, где сейчас те фотографии? Наверное, остались дома в Ульме... Надо попросить родителей выслать их, как смогут. Или пригласить Алекса поехать с ним в Ульм на каникулы. Да, это хорошая мысль...

— Во время Французской кампании, — повторяет Алекс. — Я тоже в ней участвовал, но, к сожалению, в Париже не был. — Он вздыхает и делает большой глоток вина. — Как думаешь, куда нас пошлют в следующий раз? И когда?

В дни, когда они распивают на двоих целую бутылку, приходится быть особенно начеку, чтобы не пропустить заключительную переключку, а потом — ничем не выдать своего легкого опьянения. Алекс говорит, что из-за того, что он родился в России, у него высокая сопротивляемость спиртному, однако это не совсем так: порой он бродит по тренировочной площадке заметно пошатываясь.

После того как они пролистали толстенного «Родена» и еще несколько книг поменьше, тоже посвященных скульптуре, Ганс говорит, что теперь его черед. Он покупает себе портфель (подожди еще немного, новый велосипед!) и засовывает туда полное издание Ницше. Потом с сияющей улыбкой выкладывает книги перед Алексом:

— Ну, что скажешь?

— Что эти книги можно грызть долго, — отвечает Алекс, сморщив нос.

— Конечно, — соглашается Ганс, — но они того стоят.